родными обрядами (славянские хороводы, связанные с обрядами завивания берёзки, плетения венков, зажигания костров). Постепенно отходя от обрядовых действий, хороводы наполнялись новым содержанием, выражавшим новые особенности быта. Народы, занимавшиеся охотой, животноводством, отражали в танце наблюдения над животным миром. Образно и выразительно передавались характер и повадки зверей, птиц, домашних животных: якутский танец медведя, русский журавель, гусачок и др. Возникают танцы на темы сельского труда: латышский танец жнецов, гуцульский - дровосеков, эстонский - сапожников, белорусский лянок, молдавский поамэ (виноград). В народном танце часто отражены воинский дух, доблесть, героизм, воспроизводятся сцены боя (грузинские хоруми, берикаоба, казачьи пляски и др.). Большое место в танцевальном народном творчестве занимает тема любви: танцы, выражающие благородство чувств, почтительное отношение к женщине (грузинский картули, русская байновская кадриль). В народном танце всегда главенствует ритмичное начало, которое подчёркивается танцовщиком (притоптывания, хлопки, звон бубенчиков, дойры). Многие танцы исполняются под аккомпанемент народных инструментов, которые танцовщики часто держат в руках (гармошка, балалайка, дойру). Некоторые танцы исполняются с бытовыми аксессуарами (платок, кастаньеты). Большое влияние на характер исполнения оказывает костюм: так, плавности хода русских танцовщиц помогает длинное платье, прикрывающее ступни ног; характерное движение в русском мужском танце - отбивка по голенищу жёстких сапог.

Танец позволяет выработать пластичность, особую координацию движений, приёмы соотношения движения с музыкой, дети учатся двигаться ритмично, общению друг с другом в движении (хоровод, ручеек). Совместная работа помогает детям лучше освоить ремесло, перенять опыт наставника (родителей), прививает трудолюбие. Мудрость народного воспитания как исторически проверенного опыта должна стать основой современных учебно-воспитательных систем. Опыт народного воспитания у всех этносов, наций и народов очень богат. Как показал анализ традиционной культуры воспитания, этот опыт характеризуется почти одинаковыми требованиями к качествам формируемой личности и системе средств ее воспитания и обучения. Он представляет собой своеобразную (общую для всего человечества) народную мудрость, систему общечеловеческих ценностей, проверенных веками. Но это не означает, что надо использовать весь арсенал народных средств и факторов воспитания без изменений и критической оценки. Необходимо брать те из них, которые работают сегодня и соотносятся с нашими представлениями о гуманизме и общечеловеческих ценностях.

Источники и литература

1. Рыбникова М. А. Избр. труды. – М., 1958.
2. Основы современной цивилизации / Под ред. Л. Н. Боголюбова. – М., 1992.
3. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М: Педагогика, 1987.
4. Попова А. Н. Народные художественные промыслы. – М.: Прогресс, 1993.
5. Народная мудрость: Энциклопедия. – М., 1995.
6. Кузина Т.Ф., Батурина Г. И. Занимательная педагогика народов России: советы, игры, обряды. – М.: Школа-Пресс, 1998.
7. Васильцова В. Н. Народная педагогика /заметки журналиста. – М.: Школа-Пресс, 1996.
8. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М: Педагогика, 1987. – с. 218.
9. Основы современной цивилизации / Под ред. Л. Н. Боголюбова. – М., 1992.– с. 49.

Рахманова А.Х. *старший преподаватель, Новойский государственный педагогический институт, Навои, Узбекистан*

ВОСКРЕШЕНИЕ НАРОДНОЙ ПАМЯТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РОМАНИСТИКЕ

Прошлое и настоящее - равновеликие опоры художественной мысли в объемном, целостном, синтетическом восприятии мира и человека в постижении действительности народного бытия как многовекового опыта лучших, прогрессивных традиций отечественной истории и национальной культуры.

Обращение литературы к истории, вторжение истории в литературу, свидетельствует об обогащении современного реализма содержательным качеством историзма. Создавая философию истории, литература извлекает в прошлом актуальные нравственные уроки, преломляет в своих идеях и образах множество общественных и эстетических проблем современности. В их числе проблемы: личность и народ; народ и история; развитие наций и национальных культур; рассмотрение роли народа как подлинного творца истории, движущей силы социального и духовного прогресса.

Литература не просто обогащает современников историческим знанием, но развивает в них историческое чувство. На это чувство истории «и опирается память людей и поколений, а она, - размышляет академик Д.С. Лихачев в эссе «Служение памяти», - есть ближайший синоним таких понятий, как совесть, мораль, культура. «И подобно тому, как личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к предкам и близким, к его родным и друзьям, так и историческая память народа формирует нравственный смысл, в котором живет народ» [1]. Ценность исторического романа ещё и том, что он своим содержанием «воскрешает» память народную, воздействует на развитие национального самосознания.

Безусловно, что такие повествования, перерастающие в эпопею народной жизни или тяготеющие к ней, развиваются на основе стойких эпических традиций реализма и представлены такими ее достижениями, как романы "Петр Первый" А.Толстого, «Чингиз-хан» В.Яна, «Дмитрий Донской» С.Бородина, «Звездные ночи» П.Кадырова, "Сокровища Улугбека" А.Якубова, "Навои" Айбека, «Господин Великий Новгород», "Го-

судари Московские" Д.Балашова.

Своеобразие исторической романистики состоит в том, что два её приоритета «правда характера» и «правда истории»- объективно находятся в таком диалектическом единстве многообразия художественных форм.

Взаимодействуя, они подсознательно способствуют росту и качеству воображения писателя в процессе создания им «форм жизни». Это - один из «постоянно действующих имманентных законов исторической романистики, который предопределяет специфику отношений словесного искусства к исторической действительности» [2] - утверждает исследователь жанровой природы исторического романа И.П. Варфоломеев

Игнорирование этого закона в процессе художественного и творчества в одном случае ведет «к искажению истории и характера её личности, в другом - к субъективному осмыслению и двусмысленным умозаключениям и обобщениям исторического романа»[3] со стороны критики.

Таким образом, выведенный исследователем закон, подводит нас к мысли о том, что исторический роман, будучи в орбите общих законов искусства, в то же время как специфическое явление, подвластен своим имманентным законам, что в свою очередь указывает на устойчивость жанровой природы романа.

В исторической прозе, правда характера и правда изображаемой истории, характер и функции вымысла значительно отличаются от других видов словесного искусства.

Этот вопрос выходит за рамки литературоведения, он тесно связан с нравственной проблемой - с отношением писателя к истории и к её личностям, к народу, делающему эту историю. Высокая ответственность исторического романиста не позволяет ему браться за перо, если эпоха которую он думает изображать и отображать, не стала его жизнью во всем объеме человеческих страстей и действий; если жизненный материал прошлого не стал для него знанием во всех подробностях; если писатель не взял на себя высшую ответственность перед читателем и историей за то, что выйдет из под его пера.

Проблему художественной правды в исторической романистике не решить с помощью критерия «правда человеческого сердца», постигаемой искусством, ибо художественная правда - это не только эстетически претворенная жизненная правда об отношении (психологическом, духовном) героя к историческому событию в произведении, но комплексное и целостное отражение и отображение внутреннего хода исторического развития той эпохи, события и люди который взяты в основу сюжета произведения. А всего этого «правдой сердца» не охватить. Художественная, правда, трудно уловима в своих отдельных признаках и в особенностях, если подходить к ее осмыслению в рамках таких частностей, как «правда, сердца».

В этом смысле она обнаруживает бесконечное множество проявлений. По существу в каждом произведении в каких-либо стихийных началах она «своя», единственная.

Повышенный интерес к исторической романистике наблюдается и со стороны критики и литературоведения. Многие ее проблемы становятся постоянным объектом внимания исследователей. Вышедшие в свет монографии (Л.Александровой, В.Баранова, Г. Макаровской, А. Пауткина, В. Оскоцкого, А.Филатовой, Л. Чмыхова, И. Варфоломеева, С.Долгова, С.Петрова) свидетельствуют о возрастании интереса к теоретическим аспектам изучения исторического романа. Проблемы типологии исторической романистики решаются и в статьях Ю.Андреева, А. Гулыги, С. Кормилова, А. Кузьмина, Г. Ломидзе, А. Мальгина, Е.Осетрова, А.Филатовой. Проблемы формирования и развития узбекского исторического романа получили определенное освещение и в литературоведении Узбекистана. Различные аспекты развития жанра исторического романа исследуются в ряде диссертационных работ (Алимов П., Алиев А., Архангельская Л., Зайниддинова А., Каттабеков А., и другие). В монографиях и статьях И.Султанова, М. Кошчанова, Х.Якубова, Л. Каюмова, О. Шарафутдинова, У. Норматова, Н.Владимировой, П. Шермухамедова, С. Мирвалиева, Н. Миркурбанова и других авторов прослежены тенденции развития исторического романа Узбекистана. Принципиальный интерес к содержанию исторической романистики, а точнее к вопросу отношения писателя к истории и к ее фактам проявляют и ученые историки - А.Каргалов, А.Кузьмин, М. Нечкина, С.Окунь, В. Пашута. Признавая «воссоздающие» функции художественного вымысла, они за правдивое изображение исторических событий и людей ее творящих. Много интересного и спорного, противоречивого, парадоксального содержится и в интервью, статьях, предисловиях, послесловиях самих писателей: Д. Балашова, Ю. Давыдова, С. Залыгина, Я. Ильясова, К. Икрамова, О. Михайлова, В. Пикуля, А. Якубова, П. Кадырова...

Суммируя суждения и умозаключения исследователей о жанре и проблемах исторической романистики, напрашивается вывод об интереснейшем и самобытнейшем явлении литературы как исторический роман.

Наметившаяся тенденция к сравнительно-типологическому исследованию современной исторической романистики не исчерпывает всех своих возможностей, а лишь начинает нащупывать свой предмет и метод, определяя наиболее продуктивные критерии типологизации.

Однако это новое не привело к сближению позиции сторонников исторически достоверного изображения действительности и сторонников «волевого вторжения вымысла» в историю, а наоборот, - поляризовало их, что и сказалось на качественных характеристиках, типологических принципах художественного освоения писателями исторической действительности: в произведениях субъективно-концептуального принципа художественного изображения исторической действительности возросла роль романтико-приключенческого, психологического, лирико-личностного «элемента»; в произведениях объективно-концептуального принципа повествования доминирует диалого-монологический, образно-информативный, публицистический «элемент» и «элемент» созвучия времен, но заметно приглушены другие «начала» - романтико-приключенческий и психологический.

В историко-романтическом жанре усилилась тенденция «самовыражения», «осовременивания» таких «вечных» тем, как добро, зло, любовь, нравственные искания героя и автора. Причем, эти особенности пи-

сательской практики оказали влияние и на эстетические взгляды некоторых критиков и литературоведов, которые в первую очередь выделяют общую для всех тему - тему нравственных исканий центральных персонажей.

Такова позиция В. Оскоцкого, В. Перцовского, Г. Ломидзе, В. Романова и других исследователей. В. Перцовский, например, объединяет по нравственной доминанте историческую прозу В. Пановой, В. Шукшина, Г. Гулиа, Ю. Трифонова, Б. Окуджавы и другие.

Для Д. Балашова, как впрочем, и для многих писателей, особенно старшего поколения, история - есть именно объект изображения, а не «структурная основа романа», где события и явления определяют (в частности, в цикле романов «Государи Московские») и концепцию художественной правды, и подбор исторического материала, и интерпретацию, и развитие действия, и сюжетно-композиционную структуру романа, в соответствии с авторской концепцией художественной правды. Богатейшая художественная информация, вложенная в художественную форму произведений Д. Балашова («Марфа-посадница», «Младший сын», «Великий стол», «Бремя власти» и др.) сюжеты и характеры героев одинаково верно служат как раскрытию «вечных» общечеловеческих тем, так и познавательным целям. И последнее - чрезвычайно важно, ибо рядовой многомиллионный любитель истории чаще всего пополняет свою память о прошлом, главным образом, из исторических романов. Д. Балашов, равно как и многие другие видные исторические романисты, не считает, что факт истории ограничивает поэтические возможности; он умеет добывать (а главное не пренебрегать этой трудной работой) из обломков истории такие факты, излучающие «давно погасший свет минувших эпох» (В. Шкловский), которые будили воображение и работали на формирование того или иного запоминающегося эпизода в сюжетных линиях романа, при сохранении правды истории.

Исследования творчества Д. Балашова - исторического романиста, ответственного перед народной историей и своим читателем, показывает, что факт не сковывает воображения, ибо «правда истории всегда гораздо глубже по содержанию и драматичней любого вымысла» .

Использование добытого исторического материала в «форме жизни» для Д. Балашова в высшей степени активный творческий процесс. Писатель-историк Д. Балашов - не иллюстратор, он не просто монтирует сюжетные факты, добытые из первоисточника, но поэтически одухотворяет их, дорисовывает своим воображением, в соответствии со своей концепцией художественной правды, которая, кстати, повторим, основана на глубоком знании поэтически осваиваемой исторической действительности.

Исторический романист Д. Балашов, своими романами об историческом прошлом Руси поднял огромнейший исторический пласт полузабытого, да и плохо изученного, средневековой Руси XIII-XIV вв. - этого «мутно-серого пятна», которое было на месте «сложной, яркой, динамичной жизни, полной человеческих страстей, эпохальных, идеологических, военных и культурных событий средневековой Руси», - справедливо сказал об этом времени В. Чивилихин в своем романе-эссе «Память».

Цикл романов «Государи Московские», достойный масштабного исследования, так как в нем - бездна красок, образов, характеров, многоцветных картин жизни людей - от великих князей и бояр до простого смерда-патриота.

Системный анализ романов Д. Балашова позволяет наглядно проследить, как идет поиск новых возможностей художественного воссоздания прошлого и путей его нравственного воздействия на читателя. В ходе исследования выявляется взаимозависимость разных уровней повествования (системы образов и конфликтов, сюжетно-композиционной организации и стилевой структуры) и их зависимость от характера объекта изображения, авторской идейно-эстетической задачи. Анализируя отдельные романы, учитывая их внутреннюю природу и черты идейно художественного своеобразия, выявляются наиболее важные проблемы поэтики Балашова.

Характер романов Д. Балашова определяется и уникальным чувством сопричастности к прошлому своего отечества, судьбе предков. Писателя привлекает не беллетризация того или иного хронологического отрезка истории и выявление его места в цепи исторического развития, а показ своеобразных черт изображаемого периода и осмысление деяний его героев; воссоздание толщи времени; изображение внутреннего протекания ушедшей жизни в полноте реализованных и нереализованных возможностей и мельчайших подробностей быта и бытия, за которыми стоит нравственный опыт истории. Идейно-художественные особенности повествований ученого-фольклориста определяются авторским стремлением изобразить прошлое, не деформируя его пропорций, тщательно сохраняя историческую последовательность событий. В романах писателя воссоздается не только цепь событий, но и темп их движения. Пространственно-временная организация сюжета, жанрово-композиционная структура конкретных произведений определяется «эстетической природой» исторических фактов, осмысляемых в повествовании.

Эпическую широту повествования, многогеройность (среди героев цикла - князья, бояре, священнослужители, рядовые персонажи - представители Руси народной), многособытийность обуславливает и нацеленность автора на видение эпохи в целом. Умение автора учитывать «формы времени» позволяют в каждом романе оттенить конкретно-историческое своеобразие конфликтов, общих для более чем двухвекового периода развития Руси. При этом военно-политические столкновения, отражающие драматизм княжеской борьбы за власть, осложняются нравственно-психологическими коллизиями, актуальными и для современного читателя.

В послесловии к роману «Младший сын» из цикла «Государи Московские» Д. Балашов писал: «Буду счастлив, ежели серия романов «Государи Московские» поможет разобраться не только в своем прошлом, но и в себе самих. Критически не осознанная история возвращается, как дурной сон. Забытое мстит за себя. Знать надо не только хорошее и не только плохое, знать надо все!»" Восполняя серьезный пробел в художе-

ственной летописи России, изображая деяния и судьбы русских князей XIII - XIV веков (Дмитрия, Андрея и Даниила Александровичей в романе «Младший сын», Юрия Даниловича и Михаила Тверского в романе «Великий стол», Ивана Калиты в «Бремени власти», Семена Ивановича в романе «Симеон Гордый», Ивана Ивановича Красного в романе «Ветер времени», Дмитрия Донского в «Отречении»), Д. Балашов создает яркие художественно значимые характеры. Его отличает особое мастерство в создании художественно достоверных «ситуаций» с передачей сиюминутности состояния героя, его соотнесенности с бытовой обстановкой. Д. Балашов владеет как бы двойным зрением, воссоздавая прошедшее в его внутреннем течении, с точки зрения героя -современника событий и в их исторической завершенности с позиции человека сегодняшнего дня.

Концепция времени и его героев в романах Д. Балашова определяется его историко-философской и нравственной позицией. Как было уже отмечено выше - судьба народная - вот высший ценностный критерий, исходя из которого судит он деяния князей и на основе которого строится нравственно-историческая концепция Д. Балашова.

Источники и литература

1. Д.Лихачев. Служение памяти. // Наш современник. 1983.– №3. – с.172.
2. И.Варфоломеев. Советская историческая романистика: проблемы типологии и поэтики. – Т.: Фан, 1984. – с. 7.
3. Тамже. – с. 23.
4. Пушкарева И. Когда утрачено чувство меры. // Литературная Россия. 1979. – №30.
5. Д.Балашов. Младший сын. – М., 1991. – с.453.